Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

ДРУЖНАЯ ВЕСНА

На празднование 1 Мая в Советский Союз приезжают гости из многих стран мира.

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 12 30 АПРЕЛЯ (1446) 1956 ГОД ИЗДАНИЯ 34-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

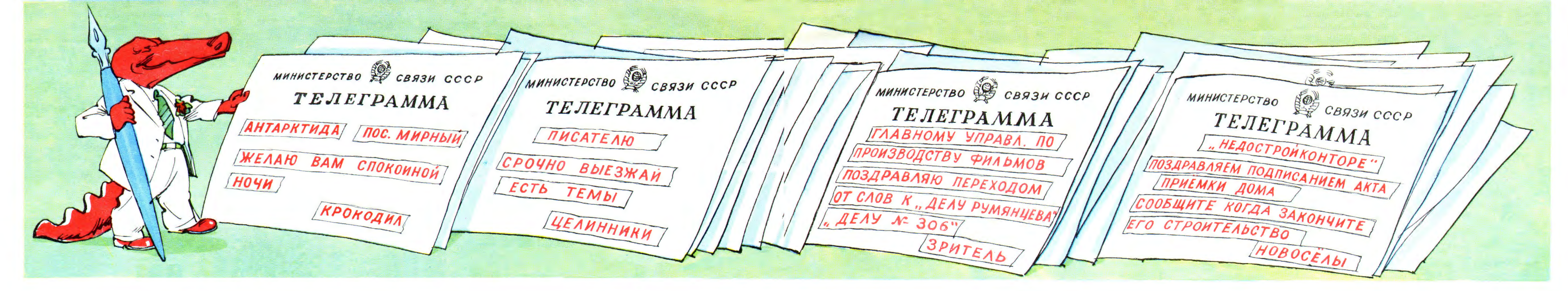
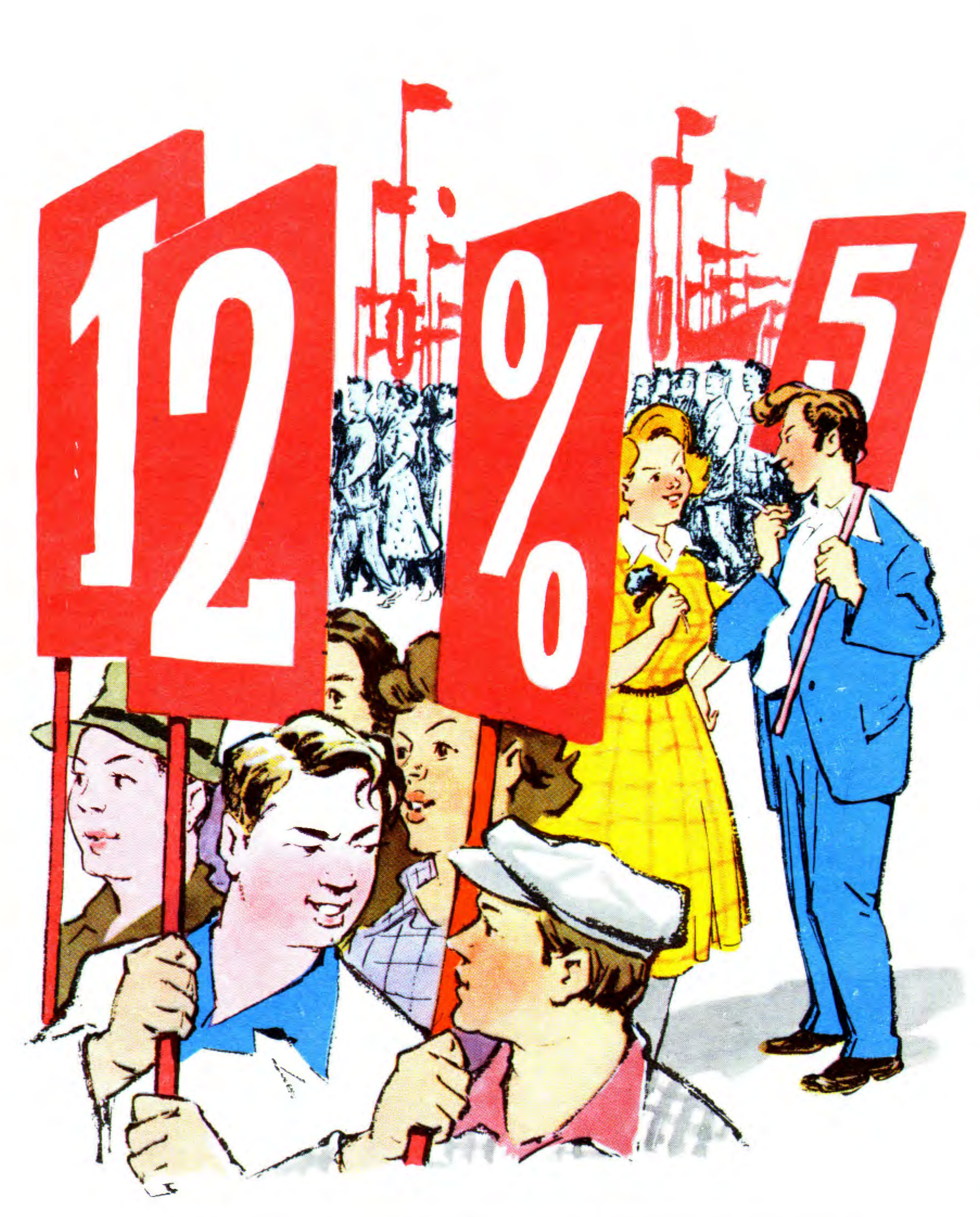

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— И тут из-за этого Разгильдяева у нас показатели снижаются!..

Крокодильские частушки

Май проходит шагом бойким,
И «поздравить» мы должны
Тех, кто вместо новостройки
Едет к тёще на блины.

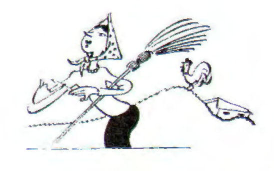
Ваня первый из ребят
В смысле неумелости.
Есть у парня аттестат,
Да не видно зрелости.

Все на поле, кроме Поли;
Полю выучили в школе,
И теперь работы в поле
Уж не в поле зренья Поли.

Мама холит сына-детку.
Кончил сын десятилетку,
Завалил экзамен в вуз
И живёт, не дуя в ус.

Птицеферму на смех курам
Чистит Нюра с маникюром.
Не беда, что маникюр,
А беда, что грязь у кур.

Так некоторые окончившие школу представляют себе свою дальнейшую жизнь.

С. ШАТРОВ

КАК МЫ ХОРОНИЛИ ЛЯЛЬКУ...

Мама говорит, что несчастья никогда не приходят в одиночку. Они ходят друг за другом, как гуси по дороге. Сначала к нам пришло одно несчастье. Папе дали маленькую работу вместо большой. И на этой маленькой работе приходится много работать. А когда папа был на большой работе, он работал совсем мало.

Потом пришло ещё одно несчастье. Моя сестра Лялька окончила институт.

Мама давно боялась, что она окончит институт.

— Я с ужасом жду этого дня,— говорила мама.— Я этого не переживу!

— Переживёшь! — смеялся папа.

И мама пережила. Она только страшно испугалась, когда Лялька пришла и сказала, что её уже распределили.

— Куда? — спросила мама.

— В Уфу!..

— Я так и знала, что тебя похоронят в глуши!

У мамы задрожали губы и кончик носа стал совсем красный.

Значит, Ляльку похоронят в глуши. Мне сразу стало её жалко. Я люблю Ляльку. Она хорошая сестра. Правда, не всегда она бывает хорошей. Утром, когда Лялька опаздывает в институт, она становится злой, как чёрт. Вечером она не такая злая. И она делается совсем доброй, когда приходит Володя-длинный-баскетболист. Лялька говорит, что он ей безразличен. Она чихать на него хотела. Поэтому, когда Володя приходит, она становится весёлой, вызывает меня в свою комнату, обнимает за плечи, даёт билеты на каток. Она говорит Володе, что я хороший парень. А Володя-длинный-баскетболист отвечает, что я просто замечательный парень, таких парней он никогда не видел и, наверное, не увидит до самой своей смерти. И Лялька смеётся...

И вот такую сестру мы скоро похороним. Мне стало жалко Ляльку. Я очень разволновался. Мама тоже разволновалась и попросила лекарство для сердца. Тут я вышел на кухню.

Дедушка Бедросов, наш сосед, как всегда, возился у плиты. Он любит варить обед. На нём был фартук в клеточку. Этот фартук сшила себе его жена, Евгения Николаевна. Она была толще дедушки, поэтому фартук висел на нём, как сарафан на палке.

Бедросов держал в руках большую кишку и запихивал в неё гречневую кашу.

— Что нос повесил, джигит? — спросил меня Бедросов.— Никак, ты схлопотал двойку?

— Не схлопотал... Мы скоро Ляльку похороним...

Бедросов так испугался, что кишка у него упала на пол и из неё вывалилась каша.

— Ты что, сдурел? — рассердился он.

— Нет, не сдурел.

— Такая здоровая девка — и вдруг помрёт!

— Ещё как помрёт,— сказал я.— Её похоронят в глуши.

— В какой глуши?

Я всё рассказал старику. Он ещё больше рассердился и начал кричать, что мой папа не в столицах родился, а в Воронежской области, а мама — в Пятихатке. И они там жили и не померли в глуши, а вот их дочь должна обязательно помереть! Дедушка заговорил быстро-быстро, и слова у него вылетали, как пули, и наскакивали друг на друга, так что уж ничего нельзя было понять.

Я вернулся в комнату. Пришёл с работы папа. Мы сели обедать. Никто ничего не ел, все ковыряли, как говорит мама, вилками в тарелках.

Папа уже не смеялся над мамой, он сказал, что надо спасать Ляльку.

— Может быть, достать справку, что она больна? — спросила мама.

— Болезни не её козыри,— ответил папа.— Каждый, кто на неё посмотрит, скажет, что она может кидаться гирями в цирке.

Лялька сидела красная и злая. Она не любит, когда говорят, что она здоровая и сильная. Она хочет быть тонкой и бледной.

— Я слыхала,— сказала мама,— что замужних не посылают.

— Ещё как посылают!

— А если муж живёт в Москве?

— Тогда не посылают!

— Володя-длинный, кажется, холостой? — спросила мама.

— Баскетболистов нам не надо! — рассердился папа.— Проживём без них!

Потом все замолчали. Папа лёг на диван и начал читать про Кортина д'Ампеццо.

— «Наша спортивная делегация,— читал папа,— живёт в высокогорном отеле «Тре Крочи», находящемся в 20 минутах езды на автомобиле от Кортина д'Ампеццо. Это комфортабельная гостиница, из окон которой открывается чудесный вид...»

— Как ты можешь думать сейчас про Ампеццо! — заплакала мама.

Папа отложил газету и сказал, что не надо плакать. Лялька сама по себе. Ампеццо само по себе. Не всё ещё потеряно. Можно ещё поговорить с Лёшей Смузиковым.

— Это ещё что за Смузиков? — удивилась мама.

— Он работает у нас в конторе. Хороший такой хлопец.

Мама всегда говорила, что папа умеет быстро разгадывать людей. Другому, чтобы узнать человека, надо сесть с ним за один стол и съесть целый пуд соли. Папе соли не надо. Он узнаёт без соли. Он посмотрит на человека и сразу скажет, чем тот дышит и что думает.

— А как нам поможет твой Смузиков? — спросила мама.

Папа посмотрел на меня и начал говорить так, чтобы я ничего не понял.

— Бракейшн будет фиктивнейшн. Понимэйшн?

— Понимэйшн,— ответила мама.

Папа ещё долго говорил, а мама слушала, и вздыхала, и всё боялась, как бы Смузиков не подложил нам свинью.

Мама всегда чего-нибудь боится. Чем плохо иметь свинью? Ведь у нас дома нет даже собаки!

Лялька тоже испугалась свиньи. Папа клялся и божился, что Смузиков — честный человек, хоть и работает у них в конторе, где жулик на жулике сидит. Но Лялька и слушать не хотела. Она сказала, что пусть её лучше похоронят в глуши,— и дело с концом! Мама опять заплакала, легла на диван и сказала, что у неё разрывается сердце. Папа дал ей капли. Он начал кричать на Ляльку, что она хочет доконать свою мать. Лялька убежала к себе в комнату. Я так расстроился, что опрокинул на скатерть химические чернила. Папа ещё больше рассердился и сказал, что в доме всё идёт прахом!

В воскресенье к нам пришёл Смузиков. Он сразу мне понравился. Он был весёлый, здоровый, как борец, и от него пахло пивом и одеколоном. На левой его руке были нарисованы рулевое колесо и русалка, которая сидела на двух кинжалах. Сверху была надпись:

«ВСЕГДА ПОМНЮ СВОЮ МАМУ».

Рисунки маме не понравились, но она сказала, что из-за надписи прощает Лёше колесо и русалку.

Лёша ответил, что свою маму он любит больше всех на свете. А татуировка ему нужна теперь, как зайцу насморк. Когда я услышал про заячий насморк, меня разобрал смех. Я помирал от смеха целый вечер, потому что такого остроумного человека я ещё не встречал. Он знал не только про зайца. Он говорил: это мне нужно, как собаке велосипед, или, как слону качели, или как селёдке патефон. Под конец он до того насмешил, что у меня из носа потёк чай, и выпали кусочки пирога, и я чуть не вылетел из-за стола.

Наш гость сказал, что он может жениться на Ляльке. Папа хотел дать ему за это кожаную тужурку, почти ещё совсем новую, но Лёша отказался. Оказывается, тужурка ему нужна, как покойнику калоши. Лёша сказал, что он не феодал, ему калыма не надо. Он женится на Ляльке потому, что любит папу. Лёше ничего от нас не нужно. Он просит только прописать его в нашей квартире. Понарошке. Жить он будет за городом, в Малаховке.

Тут мама опять испугалась. Но папа мигнул ей и сказал Лёше:

— Сделаемся!

Смузиков ушёл от нас поздно вечером. Он пообещал маме достать тюль на занавески, а меня взять на «Динамо».

И этот человек станет мужем Ляльки! Просто не верится. Я считаю, что нам повезло. Мама, и та сказала, что у Лёши интеллигентная душа, ему только не хватает высшего образования.

В следующее воскресенье Лялька и Лёша пошли в загс. Так они стали мужем и женой.

Когда Володя-длинный-баскетболист приехал из командировки, он сразу пришёл к нам. Дома никого не было...

— А у Ляльки уже есть муж,— сказал я.— Хотите, могу показать паспорт?

Лялькин паспорт всегда лежал на комоде за зеркалом. Я принёс его и показал Володе. Он посмотрел и стал совсем белый. Руки у него задрожали. Потом он сел на стул и икнул. Он ещё много раз икал, пока я не принёс воды. Володя-длинный-баскетболист выпил воду и начал по ошибке засовывать стакан в пиджачный карман. Меня разобрал смех. Я сразу понял, что Володя-длинный — чепуховый молодой человек. Он, наверно, сам хотел стать лялькиным мужем. Как хорошо, что Лялька об этом не знает! Володя-длинный-баскетболист ушёл, забыв у нас галоши.

— Чьи это галоши? — спросила Лялька, когда пришла.

— Володи.

— Он здесь был?

— Ещё как был! Икал полчаса!

— Ты что-нибудь ему говорил? — испугалась Лялька.

— Ничего не говорил, только показал твой паспорт. И он сразу начал икать...

Тут Лялька развернулась и дала мне такую пощёчину, что меня подбросило на диван. Я так удивился, что даже не успел заплакать. Лялька побежала к себе. Она разревелась, как маленькая, и ревела до тех пор, пока не пришёл папа.

Просто удивительно! Всё время Володя-длинный-баскетболист ей не нравился, и вдруг, после того, как он начал икать, она полюбила его.

С этого дня Лялька стала злая и раздражительная, и все боялись сказать ей слово. А папа был весёлый. Целыми днями он пел «Самара-городок». Он говорил, что всё прекрасно устроилось. Лялька осталась с нами в Москве, и теперь её уже не похоронят в глуши. Пусть другие хоронят своих дочерей, если это им нравится. Мама тоже была довольна и говорила, что мы должны быть благодарны Лёше. И я так думал и очень жалел, что лялькин муж никогда не приходит к нам. Можете себе представить, как я обрадовался, когда встретил его около нашего двора!

— Здорово, кореш! — сказал Лёша и протянул мне руку.— Как жизнь молодая течёт? Ты тайну хранить умеешь?

— Умею.

— Так вот, хочу переехать к вам на постоянное местожительство. Когда, говоришь, твои старики не бывают дома?

— Утром!

— Толково. Утром и переедем!

— А зачем вам переезжать, когда никого не будет? Вы хотите сделать нам сюрприз?

— Ясно, сюрприз. Старики здорово обрадуются.

Утром Лёша принёс свой чемодан и письмо. Чемодан я поставил в лялькиной комнате, а письмо вечером отдал папе.

— Это ещё что? — спросил папа.

— Это сюрприз,— ответил я.

— Боже мой! Что всё это значит? — закричала мама и схватилась за сердце.

Лялька побежала за каплями.

— Я так и знала! — прошептала мама.— Что теперь с нами будет?

— Ничего не будет! — закричал папа не своим голосом.— Я вышвырну этого мерзавца вместе с чемоданом!

Я ужасно удивился. Вот это сюрприз! Лёша — мерзавец? Только вчера они говорили, что он замечательный парень!

Папа ещё долго кричал, но почему-то не выкидывал лёшин чемодан. Мама всё время плакала. Так продолжалось два дня, пока не пришёл Лёша. Он был, как всегда, весёлый, и от него пахло пивом и одеколоном «Эллада». Он принёс с собой раскладушку.

— Давайте не будем расстраиваться,— сказал Лёша.— Всё идёт нормально. Дорогой зять пришёл в родную семью.

— Ты подлец, Лёша! — сказал папа.— Твоей ноги не будет в моём доме!

— Не разрушайте семейный очаг! Не выгоняйте зятя! Скажите-ка лучше, где поставить раскладушку?

— Ты думаешь, на тебя не найдётся управы? — опять закричал папа.— Врёшь, подлец, управа на тебя найдётся!

— Значит, я подлец, а вы честный человек? — Лёша постучал ложечкой по графину.— Давайте разберёмся без шума! Дорогие товарищи! Перед вами семья гражданина Васюкова. Пять лет государство растит и холит его единственную дочь — будущего специалиста. Что же общественность видит в итоге? Товарищ Васюков благодарит за дочь Советскую власть? Кланяется ей в ноги? Дудки! Он обманывает её посредством фиктивного брака. Больше того! Он и его дочь завлекают бедного, но честного Лёшу Смузикова в свои сети. И когда гражданин Смузиков по наивности своей женится, то выясняется, что он уже больше не нужен. Его выбрасывают, как вещь...

Мне так стало жалко Лёшу, что я чуть не заплакал. Но вдруг он улыбнулся и сказал совсем другим, весёлым голосом:

— Как вы думаете, дорогой товарищ Васюков, если бедный Смузиков придёт с таким материальчиком в редакцию? Что получится? Получится толковый фельетон. Тираж — миллион экземпляров. Газет не хватает. Люди стоят у щитов и читают. Общественность реагирует. Вас вызывают на местком. Словом, скандал на весь мир... Вопросы есть?

У папы вопросов не было. У мамы тоже. Лёша поставил свою раскладушку и начал у нас жить.

А через пять дней уехала от нас Лялька. Она поехала в Билимбай вместе с Володей-длинным-баскетболистом. Они похоронили себя в глуши и пишут, что это им очень нравится.

Александр ЯШИН

Непоседа

Непоседу повстречала,
Полюбила без ума,
Не заметила, как стала
Непоседою сама.

Ничего ему не стоит
Руку наскоро пожать:
То канал уедет строить,
То леса в степи сажать.

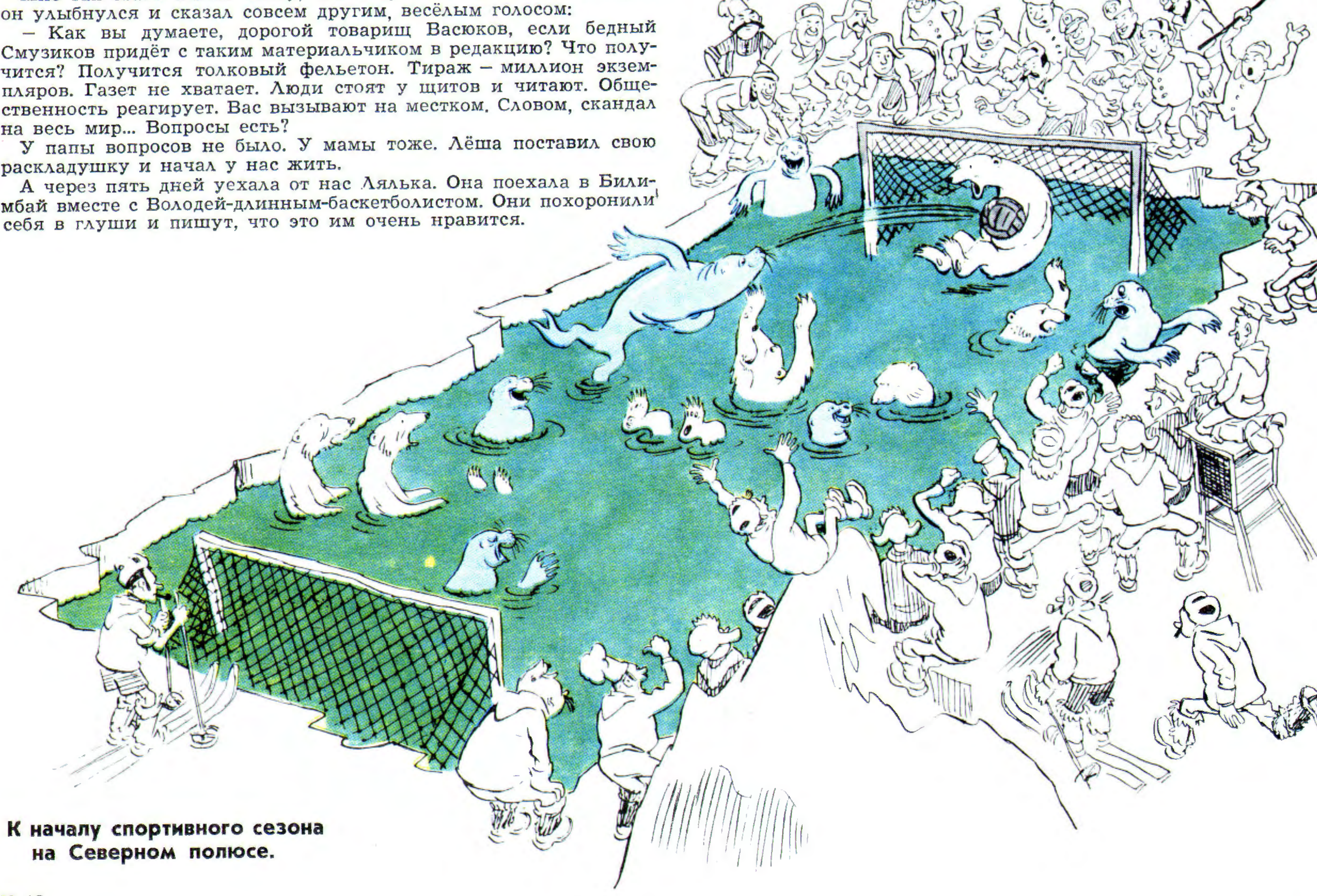
До всего нужда-забота,
Обо мне заботы нет.
Вдруг найдёт ещё кого-то —
Погибай во цвете лет!

С той поры за ним по следу
Я в далёкие края,
Не задумываясь, еду:
Куда милый, туда я.

Лишь одно теперь пугает,
Но пока молчу, тяну:
Что-то много он читает
Про ракеты, про Луну.

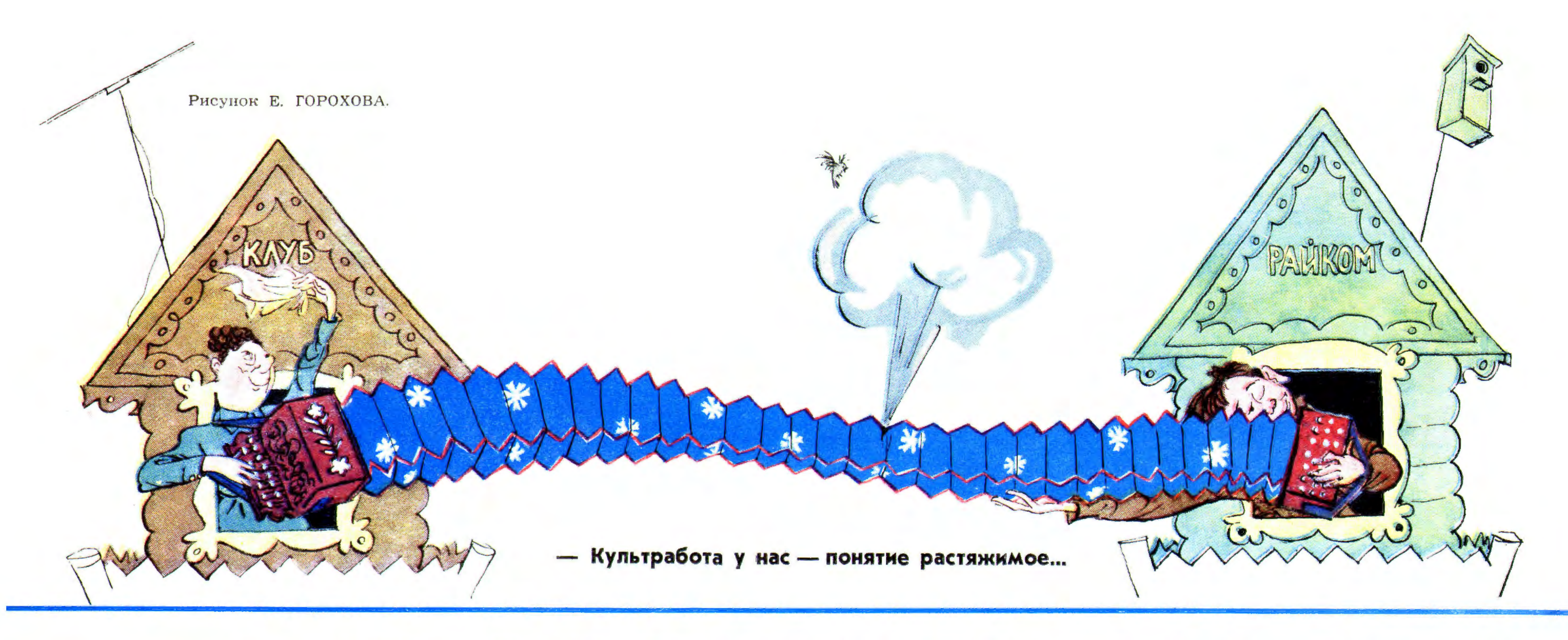
Ох, уж эти мне ракеты!
Как за милым усмотреть!
На соседние планеты
Не решился бы лететь!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

К началу спортивного сезона на Северном полюсе.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Культработа у нас — понятие растяжимое...

ШАГАЮЩИЙ КРОКОДИЛ

— Слыхали? Контролёр на вилы напоролся!

— Ну да? Ей-богу? Смех!.. Вот здорово-то!

Этакая, право, жестокость. Представить себе только, как острыми вилами распорот у контролёра бок, или нога, или ещё какая-нибудь необходимая часть тела, вчуже страшно становится, а им...

А им смешно. Потому что они представляют себе совершенно другую картину: никакого кровопролития, бока у контролёра Самойленки целы, зато физиономия перекошена, как будто он увидел перед собой гремучую змею. А перед ним вовсе не змея, а крокодил.

— Так это ж ещё страшнее: такой зверь! — скажет кто-нибудь.

При слове «крокодил» никто не подумает о животном из зоопарка.

Когда говорят «Крокодил»,— значит, это про журнал. Про тот самый, который сейчас вы, читатель, держите в своих руках.

Но на этот раз говорится о родственнике. У Крокодила (того самого, что сейчас перед вами) расплодилась многочисленная родня. То с завода, то из института, то с МТС сообщают в редакцию о новорождённом и даже присылают фотографии. В отличие от обычных фотографий новорождённых, которых снимают непременно обнажёнными, либо на животе, либо на спинке, чтобы сразу старшие родственники заметили всё очарование и все особые приметы, на фотографиях, присылаемых в редакцию, только что вылупившиеся Крокодилы-отпрыски выглядят здоровяками, в полной боевой готовности.

Именно так, отменно хорошо выглядит харьковский отпрыск, Крокодил, чьё место рождения — завод «Серп и молот».

Здоровенный, фанерный, в рабочем комбинезоне, он был назван «Крокодил Шагающий», потому что его отличительной чертой было шагать из цеха в цех. Он обладал всеми пятью чувствами плюс шестым: чувством сатиры и юмора. Безошибочно развитое обоняние приводило его в те цехи, где была для него подходящая пища. Он являлся с прикреплённым к нему листком, где в стихотворной, прозаической или живописной форме были показаны все художества данного цеха. И стоял он до тех пор, пока эти художества, как говорится, не изживались. Посещение Крокодилом такого-то цеха было обидой, но зачем же обижаться? Зачем вообще на Крокодил пенять, коли... и так далее...

Влетали стайкой девчата в цех, и, совсем как у Гоголя в «Ночи перед Рождеством»:

— «Он бачь, яка кака намалёвана!»

— Брысь! Где вы тут увидали каку? То ж заводской орган сатиры, разбираться надо в явлениях!

— А почему ж он до нашего цеха не дошёл? А к вам забрёл?

— Много будете знать, скоро состаритесь.

Нет, девчат не запугаешь. Им до старости жить ещё лет сорок. И они сами всё отлично знают. А если спрашивают, то просто так, ради девичьего притворства. Сейчас разнесут по всему заводу:

— Бегите до кузнечного цеху, побачьте, як там Шагающий Крокодил чистоту наводит. Самого начальника намалював!

Конечно, начальник «трохи попереживал», не без того, но зато теперь цех блестит чистотой, а для Крокодила нашлась уже другая пища. Вот она: два работника завода, С. и Е.,— веселящиеся единицы, для которых море по колено и всё трын-трава. Крокодил изобразил их на лужайке, с поллитровкой, в которой и заключено всё ихнее море. И вот уже та единица, которая С.— контролёр Самойленко, сидит на скамье подсудимых,— значит, веселье было не в чистом виде, а с некоторой примесью уголовщины. Зато тот, который Е., зарёкся пьянствовать и вернулся к оставленной им семье, поэтому и фамилии его упоминать не нужно.

Разумеется, есть на заводе и другие любители крепких напитков. Шагающий Крокодил отнюдь не внедрял сухого закона, но требовал, чтобы на производстве горилкой не пахло. И непременно какой-нибудь любитель, подцетый на крокодильские вилы, умолял товарищей на другой день после вытрезвления:

— Дайте ж я на вас дыхну! Ну, скажите по-честному: чем от меня пахнет?

И когда товарищи признавали по-честному, что пахнет ничего себе, нормально — чесноком и «Беломором»,— то виновник крокодильского посещения, чувствуя себя уже вполне добродетельным, начинал требовать:

— Уберите ж от нас это идолище!

Почти целый год Шагающий кочевал из цеха в цех. И наконец решено было вывести его на простор. Вывели и поставили как раз против ворот, под деревом. Так, чтобы нельзя было пройти мимо, не взглянувши, а взглянув, нельзя было бы пройти мимо, не узнавши, кто же нынче попал на вилы.

Нынче попал токарь Прохоровский. Вот он, озорно нарисованный, глядит на фотографию другого токаря, Прядко, который выполняет норму на 250 процентов: «Полдня стою и дивлюсь, как это он добился таких результатов?»

— А чего ж вы про любовь не напишете? — страдают девчата.— В любви тоже свои неполадки имеются.

Только было заводские крокодильцы собрались писать про любовь и мораль (не так-то это легко, между прочим), как выявилась, словно назло влюблённым и страдающим девчатам, цифра 734,8 тысячи рублей. И пришлось выставить эту внушительную цифру напоказ и объяснить в популярной форме, что она означает непроизводительные расходы. И что этих расходов не было бы, если б не штрафы за простои вагонов и не пересылка грузов самолётом, как не полагается.

Говорят, что, выйдя на простор, заводской Крокодил стал «дуже плодовит». Он породил себе подобных во всех цехах. И это ничего, что в автоматном от него родился Ёж. Ухватка та же, и колет пребольно. Ежа выпускают маляр Овсиенко и электросварщик, секретарь комсомольской организации Скрябин. И вот как раз Скрябин огорчается:

— Незадача! Показали бы вам, как Ёж разделал хулиганов и нарушителей трудовой дисциплины, да, как нарочно, эти газеты только что забрал у нас горком комсомола. Хочет выставить их на совещании с городскими комсомольцами...

Вот так незадача! Ёж с завода пошёл шагать по городу. Так ведь это ж победа! Добрый путь, боевой заводской Ёжик!

Однако как же всё-таки родился на свет заводской Крокодил? И кто его родители?

Кузнецы, маляры, электросварщики, токари, автоматчики.

Так вот, значит, какая горячая родня у нашего Крокодила-журнала! По-настоящему горячая, боеспособная, зубастая.

И не следует ли по этому поводу, в порядке самокритики, тем более накануне Дня печати, самому родоначальнику всех заводских, студенческих и колхозных Крокодилов-отпрысков внимательно поглядеть на самого себя: не скучноват ли порой, не бывает ли сероват, всегда ли в полной рабочей готовности вилы, не притупился ли какой-нибудь из зубов, не дай бог, зуб мудрости, или коренной, или резец?..

Впрочем, следить за своими зубами — это личное дело каждого зубастого существа. Потому что, как говорят врачи-стоматологи (а также и читатели сатирических журналов), фальшивый зуб, как бы он ни блестел,— это уже далеко не то. Им твёрдого орешка не разгрызть.

Да читателю и дела нет до крокодиловой зубоврачебной профилактики. Читатель требует:

— Чтоб был зубастым!

И Крокодил должен отвечать:

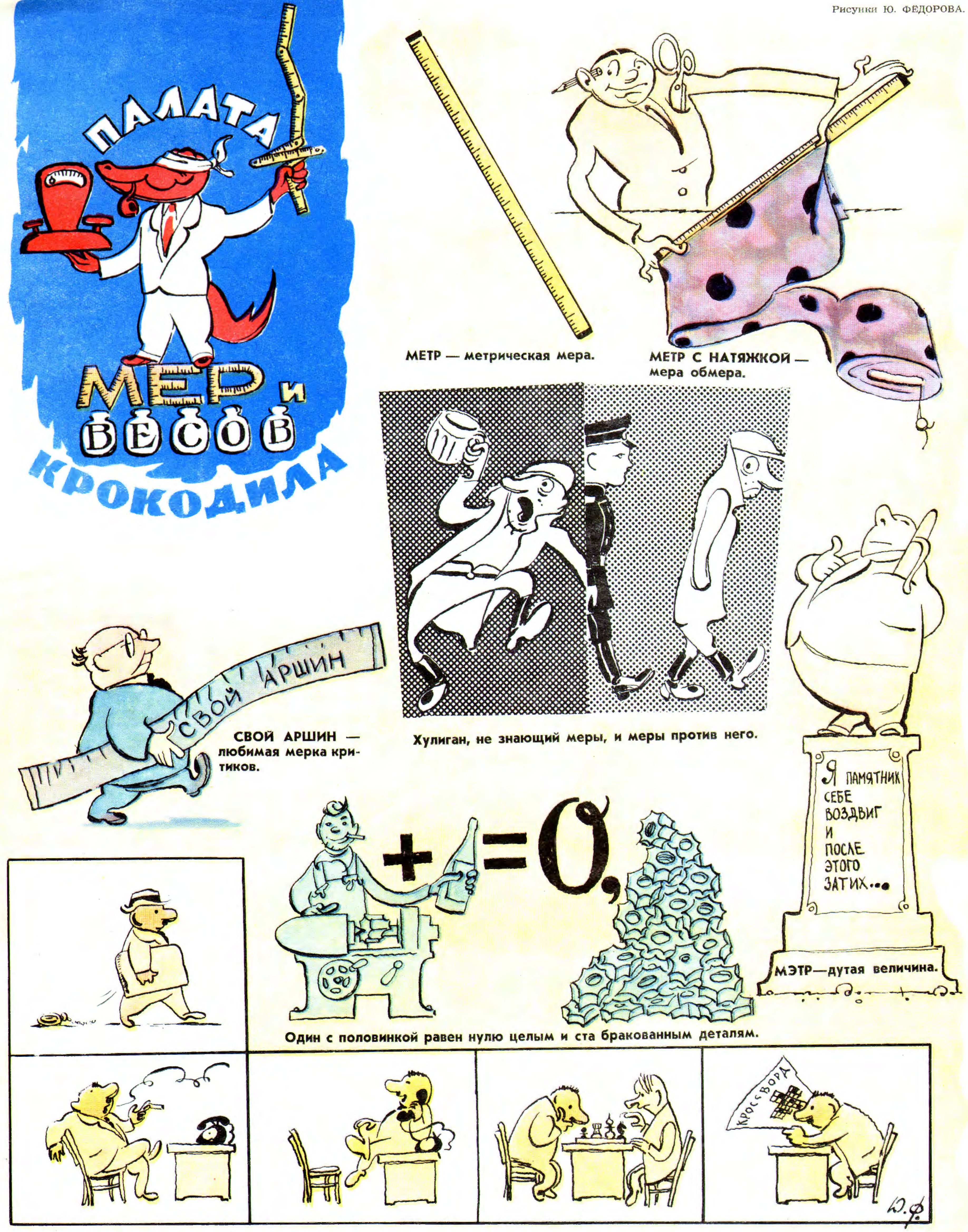
— Есть быть зубастым!

Именно так отвечает на деле своим рабочим читателям Шагающий Крокодил харьковского завода «Серп и молот».

— Дуже зубаста наша рiдня!..

Варвара КАРБОВСКАЯ

г. Харьков.

МЕТР — метрическая мера.

МЕТР С НАТЯЖКОЙ — мера обмера.

Хулиган, не знающий меры, и меры против него.

СВОЙ АРШИН — любимая мерка критиков.

МЭТР—дутая величина.

Один с половинкой равен нулю целым и ста бракованным деталям.

ПОТЕРЯННЫЕ ЧАСЫ — на улице и на работе.

И ТАК БЫВАЕТ...

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Что за напасти! Прошлый раз лента рвалась, а теперь экран вверх ногами повесили.

Вяч. СЫСОЕВ

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

У Андрея Петровича добрейшая душа и мягкое, как гагачий пух, сердце. Недаром посторонние называют его милейшим человеком, и в этом нет никакого преувеличения. Посудите сами, сколько добрых дел он совершает.

В его служебном кабинете раздаётся телефонный звонок, и Андрей Петрович слышит голос Николая Ивановича. Того самого Николая Ивановича, который обладает не менее доброй душой и руководит строительной организацией. Они долго приветствуют друг друга, расспрашивают о здоровье, о самочувствии жён, деток и тёщ. Но Андрей Петрович заранее знает, что разговор на этом не кончится. Он придвигает блокнот, готовясь записать просьбу.

— Послушай, дорогой, — переходит к делу Николай Иванович, — у меня к тебе большая просьба. Нигде не могу достать книжные полки. С женой из-за этого поругался. Помоги! Говорят, что у тебя в столярном цехе отличные мастера. Стоимость я заплачу.

Последняя фраза приводит Андрея Петровича в состояние чрезвычайного удивления.

— Что значит заплачу? — восклицает он. — Какие могут быть счёты?! Сделаем, дорогуша.

Повесив трубку, Андрей Петрович на минуту задумывается.

Операция-то незаконная. А как отказать? Ведь это он, Николай Иванович, прислал ему штукатуров и строительные материалы, когда ремонтировалась квартира! Угрызения совести рассеиваются вместе с кольцами дыма от папиросы. Только как оформить наряд? Решение находится быстро. Проведём его как заказ для заводской библиотеки.

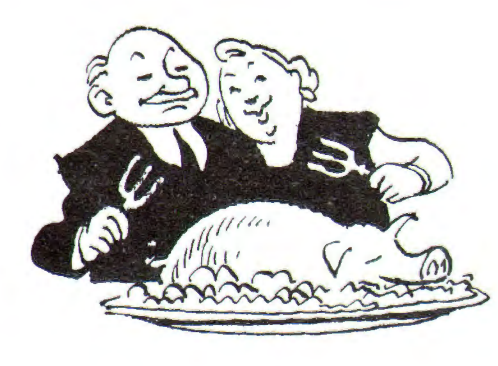
Снова звонок телефона. Говорит супруга.

— Андрюша! Во втором магазине книготорга дают библиотечку приключений. Народу — ужас! Спроси, кстати, нельзя ли достать словарь Даля и двухтомник Есенина. Меня портниха просила.

Заведующий магазином, выслушав просьбу Андрея Петровича, заверил его:

— Сделаем! Вот с Далем потруднее. Осталось только для библиотек. Но ничего, выкроим. Пришлите к вечерку шофёра.

Конечно, и заведующий магазином мог бы отказать в просьбе. Но мог ли он так поступить в отношении милейшего Андрея

Петровича?! Разве не его стараниями завмаг получил две путёвки, для себя и супруги, в санаторий, из числа выделенных заводу? И не просто путёвки, а со скидкой.

В кабинет входит секретарь и докладывает, что прибыл Кузьма Ильич. Ах, сколько чудесных воспоминаний вызывает это имя у Андрея Петровича! Прохладные утренние зори на рыбалке, росистые луга, ночёвка у охотничьего костра и широкое, как море, гостеприимство семьи. В чудесном уголке оборудовал Кузьма Ильич опытную станцию лесоводства, которую он возглавляет.

— Просите, просите! — торопит секретаря Андрей Петрович и сам идёт навстречу дорогому гостю.

Вначале, как и полагается, говорят о том, о сём, о зайцах-русаках, о волчьем выводке, о снежной зиме. Но вот гость переходит к делу, и лицо его становится озабоченным.

— На тебя вся надежда, — говорит он. — Строим лабораторию, получили кран для строительства, а монтажников нет. Выдели нам на недельку человек пять специалистов по этой части, и хорошо бы ещё с ними вместе двух — трёх электриков.

Просьба эта совсем не по душе Андрею Петровичу. Завод в прорыве, каждый специалист дорог. Но что же делать? Отказать? Нет, ведь у Андрея Петровича сердце не только не камень, оно мягче гагачьего пуха. Да и разве можно отказать Кузьме Ильичу? Мало нынче таких гостеприимных людей, а его жена до чего симпатична! Детишки — прелесть.

— Сделаем, — говорит он, подавляя вздох. — В порядке, так сказать, помощи научному учреждению.

Кузьма Ильич горячо благодарит милейшего Андрея Петровича и, прощаясь, вдруг хлопает себя по лбу:

— Чуть не забыл... Мария Сергеевна просила передать! Мы ждём всё твоё семейство к себе в воскресенье. Лыжная прогулка. Подлёдный лов. А на обед — фаршированный заяц. Здорово, а? Ты ведь любитель!

Возвратившись вечером домой, Андрей Петрович улавливает на лице супруги загадочное выражение.

— Угадай, чем я тебя угощать буду, — говорит она и, не дожидаясь ответа, тащит мужа на кухню. А там на огромном блюде, источая нежнейший аромат, поджаристый, словно отлитый из червонного золота, лежит, дразня взгляд и аппетит, чудесный поросёнок.

— Где это они появились в продаже? — спрашивает супруг.

— В какой продаже? Это Михаил Васильевич прислал. Поросёнок — прелесть!.. В магазине они свежемороженные, а этот парной. Тебе с гречневой кашей?

При упоминании Михаила Васильевича лицо Андрея Петровича на секунду омрачается. Михаил Васильевич возглавляет животноводческий совхоз. Правда, от одного поросёнка его хозяйство не разорится, но всё-таки... Недавно Андрей Петрович оказал директору совхоза небольшую услугу: отремонтировал на заводе собственную «Победу» Михаила Васильевича. Тот очень и очень просил. А вот теперь в благодарность ему поросёнок. Не похоже ли это на взятку? Однако рассуждать поздно. Поросёнок уже на столе. Похрустывая поджаристой шкуркой, Андрей Петрович вскоре забывает беспокоящие мысли.

Вот каков он, Андрей Петрович, добрейшей души человек, обладатель сердца мягче гагачьего пуха. Всех он стремится облагодетельствовать, всем помочь.

Попробуйте сказать ему, что он расхититель государственного имущества, или назвать замаскированным взяточником. Он смертельно обидится...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Если бы каждый председатель, из тех, что перебывали в этом колхозе, посадил по одному деревцу...

...то около правления выросла бы хорошая роща.

Степан ОЛЕЙНИК

Карета

(Из рассказа шофёра)

Предприимчивее нету,
Чем начальник шахты «Бис».
«Скорой помощи» карету
Превратил он в личный «Зис».

Прокричит из кабинета:
— Бак заправь!
Машину смажь!
Тёща требует карету.
Отвези её на пляж!

А потом жену Секлету
Отправляет на базар,—
Подавай опять карету
И лети, как на пожар.

Я к буфету,
В оперетту,
По арбузы на бахчу
Подаю ему карету,
С ветерком туда лечу.

Что я только в той машине
Не возил под смех дружков:
Из Енакиева дыни,
Из Харцызска гусаков!

Сливы, вишни брал в карету,
Отвозил домой ему!
От Секлеты «по секрету»
Вёз в Славянск его «куму».

И приходит как-то летом
Мысль начальнику одна:
Вижу, грузит он в карету
Здоровягу-кабана.

Осторожно еду, шагом,
Всё сначала тихо шло.
Но в посёлке по ухабам
Как машину затрясло!

Вот шарахнулся прохожий,
В удивлении стоит.
И услышал я:
— Ой, боже!
Как больной-то голосит!

Кто-то рядом вставил слово:
— Растрясёт его, ей-ей!
Говорят:
— Не мучь больного!
— Человека пожалей!

Жму,
Лечу, аж ветер свищет,
А вокруг переполох...
А проклятый кабанище
Не уймётся, чтоб он сдох!

По асфальту жму сверх меры...
Как обычно для карет,
Даже милиционеры
Мне дают зелёный свет.

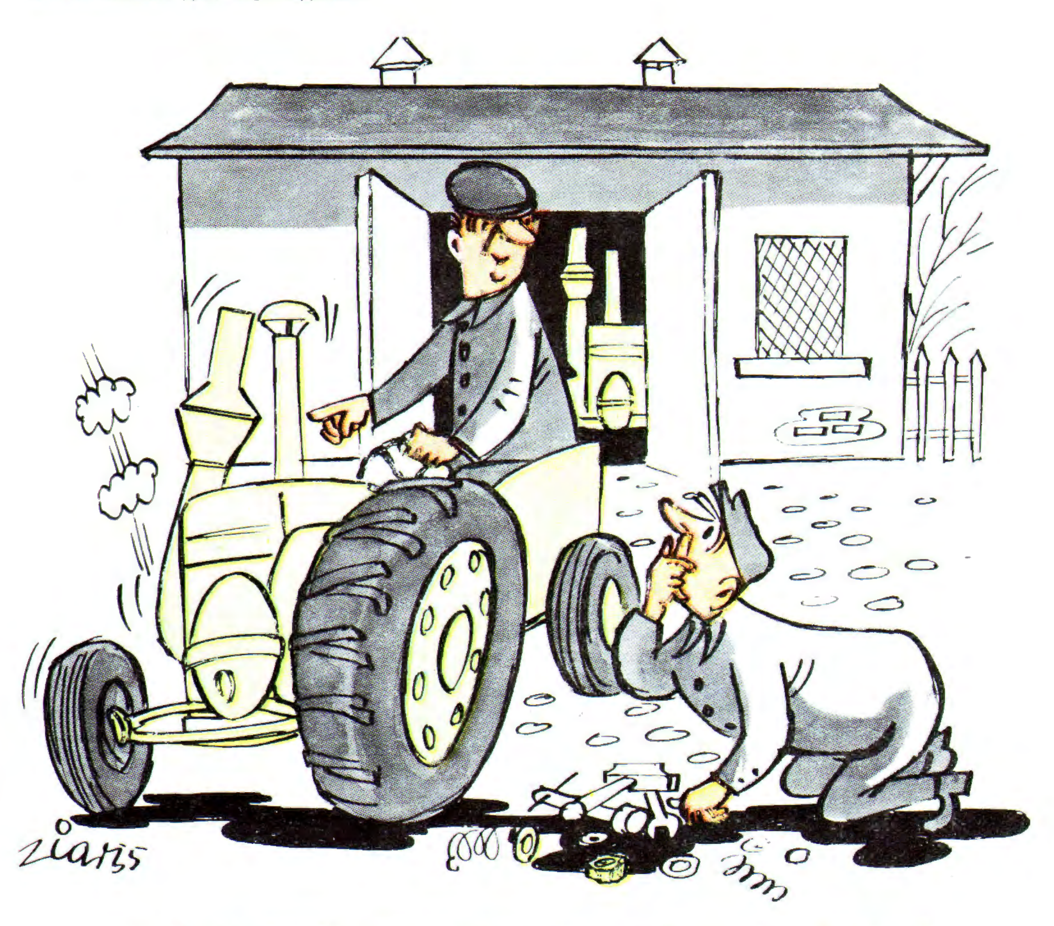
Так машину гнал, что чудом
Не разбил её.
И вот
Я сказал:
— Водить не буду!
Мне, санчасть, давай расчёт!

Так окончилось бесчинство!
И скажу открыто вам:
Как терпел я это свинство,
Не пойму теперь и сам!

Перевёл с украинского
А. НИКОЛАЕВ.

ЕЩЕ РАЗ О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ.

Рисунок С. ЗЯРНКОВСКОГО (Польша), выполненный для «Крокодила».

— А ты уверен, что мы правильно собрали этот трактор!

Рисунок Г. СТАМБОЛИЙСКОГО (Болгария), выполненный для «Крокодила».

Композитор, увенчанный лаврами...

ТРЕВОГА!

В публикуемой ниже заметке независимая газета «Дас андере Дейчланд», выходящая в Гамбурге (Федеральная Республика Германия), иронизирует над теми пропагандистами, которые пытаются всякое проявление крепнущих связей между Востоком и Западом изобразить в клеветническом духе.

Невзирая на соображения высокой политики, зоологические сады всего мира обмениваются друг с другом редкими экземплярами животных.

Недавно в кёльнском зоологическом саду умерла супруга бегемота. Чтобы рассеять мрачное настроение оставшегося в одиночестве вдовца, из антверпенского зоологического сада в Кёльн была привезена новая самка. Или вот ещё: в силу того, что немцы, живущие на Рейне, имеют весьма смутное представление о росомахах, пара росомах сменила своё местожительство в Хельсинки на клетку в том же зоологическом саду Кёльна.

Но подумать только, что мы узнали недавно: из Лейпцига к нам на Запад прибыла пара пум, а из Дрездена — антилопа.

Эти млекопитающие не иначе как настоящие коммунисты! Проверено ли было их прошлое? Не будут ли они оказывать разлагающего влияния на посетителей зоологического сада? Предприняты ли меры для изоляции их от других животных, чтобы они не могли заразить всё и всех коммунизмом? Будут ли контролироваться их корреспонденция и телефонные переговоры? Словом, не представляют ли они собой угрозу Западу?

И затем, как, собственно говоря, мирятся с таким скандальным делом христианские демократы?

Поскольку зоологи и друзья животных оказались явно не на высоте своего положения, мы предлагаем немедленно призвать на помощь «следственный комитет свободных юристов» [1]. Ведь эти юристы, как известно,— мастера на все руки... Или, например, почему компетенция блюстителей нашей конституции не распространяется и на животный мир?

Во всяком случае, так дальше продолжаться не может!

[1] Реакционная организация, действующая под маской «защитницы» демократических свобод.

Попутно и заодно...

Корреспондент агентства Франс Пресс передаёт из г. Кальяри (остров Сардиния):

«Как стало известно из информированных источников, в одном из пунктов Сардинии, название которого не указывается, начались работы по сооружению площадки для запуска управляемых снарядов.

Кроме того, стало известно, что главнокомандующий вооружёнными силами Североатлантического союза в южной зоне Европы американский адмирал Уильям Фехтлер посетил эту площадку во время совершённой им недавно охотничьей поездки».

Как видим, находчивый корреспондент сумел расцветить сухую стратегическую информацию живой деталью. Оказывается, адмирал Фехтлер охотился. А площадку для запуска управляемых снарядов он посетил просто так, попутно.

Этакая рисуется идиллическая картинка в духе старых добрых охотничьих историй.

Между тем речь идёт не о какой-нибудь там верной двустволке или меткой берданке. С управляемым снарядом, как известно, на вальдшнепов не ходят...

А в общем, судя по этой информации, стратеги НАТО ведут весьма добропорядочный образ жизни. И можно только удивляться, почему эти европейцы относятся к их невинным аристократическим забавам без той снисходительности, на которую они, как видно, рассчитывают.

Леонид ЛЕНЧ

СМЕТОЙ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО

Этой осенью пришлось мне побывать в отдалённом районе Зауралья. Под вечер на «Победе» областной газеты я приехал в районное село. Выяснилось, что гостиница переполнена, и мы решили переночевать в помещении редакции районной газеты. Это была ветхая, покосившаяся набок избушка на курьих ножках. Две комнатки избушки занимала редакция, в третьей жили печатник и секретарь редакции. Гостеприимный редактор принёс из дому подушку и одеяло, мы расстелили на дырявом полу свой коврик и улеглись вповалку. Нахлынули фронтовые воспоминания, и, согретые тёплыми лирическими чувствами, мы заснули. Однако под утро ядрёный сибирский холодок полез во все щели и дыры избушки и, развеяв лирическое тепло, бесцеремонно забрался под наше общее редакторское одеяло. Я не выдержал первый, встал, оделся и вышел во двор. На востоке уже алело. По селу шла петушиная перекличка, выдержанная в бодрых, мажорных тонах. Всё сулило ясный и свежий осенний денёк.

Двери редакционной конюшни были открыты. Я заглянул туда и увидел престарелую кобылу грязновато-серой масти, с отвислой нижней губой и жидким хвостом. Она стояла в позе, описанной поэтом:

«Уши — врозь, дугою — ноги
И как будто стоя спит!»

Я уже собирался уходить, как вдруг заметил под сеном в её кормушке какие-то бумаги.

«Странно! — подумал я.— Неужели они кормят свою лошадку забракованными очерками и корреспонденциями? Нехорошо! Хоть и старое животное, но... негуманно!»

Литератор не может не быть любопытным. Я на цыпочках подошёл к кормушке, взял бумаги и ушёл. На дворе я развернул куски срыва и увидел, что они исписаны крупными печатными буквами. Я стал читать и почувствовал лёгкое головокружение. Хотите верьте, хотите нет, но моя находка была... дневником редакционной кобылы!

Я ущипнул себя и снова стал читать: да, это дневник серой кобылы, сомнений нет!

«А что же тут, в конце концов, странного? — подумал я.— Во-первых, она не обыкновенная кобыла, а редакционная, то есть кобыла, так сказать, прикоснувшаяся к интеллектуальной жизни. Во-вторых, писала же собака у А. Франса свои записки!»

Короче говоря, я увёз с собой дневник серой кобылы и теперь публикую выдержки из него.

Конечно, мне пришлось отредактировать её записи. Склочные выпады против кучера деда Агафона показались мне не имеющими общественного значения, но остальное... Впрочем, судите сами.

Итак, ниже идут отдельные записи из «Дневника серой кобылы».

27 июня. Сегодня ездили в деревню за двенадцать километров. Редактор был не в духе, Агафон — тоже. В результате он мне крепко «всыпал».

(Тут мне снова пришлось пустить в ход свой карандаш и выкинуть из «Дневника серой кобылы» большой кусок неприличных выпадов против кучера Агафона.— **Л. Л.**)

...На обратном пути выяснилась причина плохого настроения редактора. Оказывается, ему тоже «всыпали». Он получил выговор «за неоперативность».

А какая же у него может быть «оперативность», когда все его транспортные возможности — это «наш одёр», то есть я?.. А ведь район огромный! Чуть ли не с Бельгию! И туда надо поехать и сюда. И всё на мне. Вернёшься поздно вечером в конюшню, а ноженьки гудут — сил нет терпеть!

29 июня. Опять по поводу оперативности. Сегодня ездили в другую деревню, и по дороге редактор мечтал вслух:

— А мне даже не надо машины! Хоть бы мотоцикл с коляской!

На это Агафон заметил:

— Сметой не предусмотрено!

И так стеганул меня кнутом, что я споткнулась на обе передние ноги.

Редактор, конечно, прав. Ведь сколько лошадиных сил имеет район (с целинными землями, заметьте!) со всеми своими тракторами, комбайнами и другими машинами! Если их сложить, получится многозначная цифра. А газета, которая должна освещать работу всех этих «сил», имеет в своём распоряжении только меня, то есть одну, будем прямо говорить, довольно-таки хилую лошадиную силу.

2 июля. Редактор — всё-таки хороший человек, не то что Агафон. Сегодня он ходил по двору с секретарём райкома, и я собственными ушами слышала, как он сказал:

— А конюшня наша? Посмотрите: крыша прохудилась, столбы покосились. Если вам нас не жалко и вы никак не соберётесь дать редакции приличный дом вместо нашей развалюшки, пожалейте хоть нашего Росинанта! (Одёр, Росинант, Худоба, Машка и Мортира — это всё я!) Надо ремонтировать, а денег нет!

На это секретарь райкома строго ответил редактору:

— У вас за последнее время наблюдается потребительский уклон в мыслях.

Редактор вздохнул и ничего не сказал.

5 июля. Нет, редактор — нехороший человек. Сегодня во время поездки он взял у Агафона вожжи и кнут и правил мною сам.

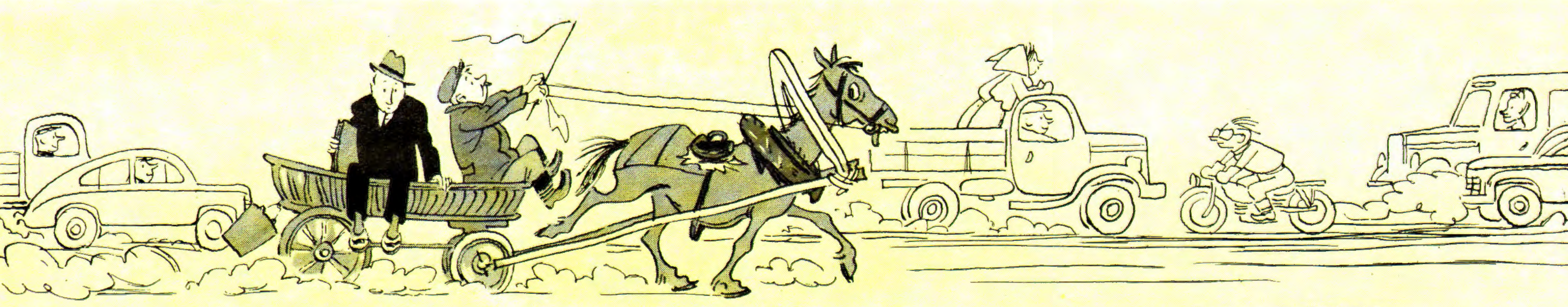

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

6 мая. Сегодня в моей жизни произошло крупное событие. Постановлением райисполкома я переведена из райтопа, где проработала, как говорится, не вылезая из оглобель, пять лет, в редакцию районной газеты. С одной стороны, мне льстит этот перевод. Но, с другой... Ведь новое место — это новый кучер. А новый кучер — это новый кнут. Новый кнут всегда больно бьёт. Однако поживём — узнаем!

10 июня. Вот уже больше месяца, как я работаю в редакции. Что я могу сказать про своё новое место? Откровенно говоря, я ожидала большего. Уж очень она какая-то... такая... бедная, наша редакция! Куда ей до райтопа! Взять хотя бы мою сбрую. Ветхая, старая рванина — клочки, которые мой новый кучер дед Агафон, этот старый кнутобоец (тут следуют всякие крепкие словечки по адресу кучера, они мною выброшены.— **Л. Л.**), ежедневно сшивает дратвой. В райтопе меня в такой сбруе никогда бы не выпустили на улицы села, а тут выпускают! Мне, лошади, толстокожему, можно сказать, созданию, и то стыдно бывает, когда я везу редактора, а прохожие прыскают в кулак, глядя на мою упряжь.

Вчера при мне Агафон сказал редактору, что, мол, надо бы купить для «нашего одёра» («наш одёр» — это я, как вам это понравится!) новую сбрую. На это редактор ответил ему со вздохом:

— Бухгалтер не даст! Сметой не предусмотрено!

Выходит, что сметой предусмотрено, чтобы над редакционным выездом смеялось всё село! Вот уж действительно оборжаться!

Сначала всё шло хорошо, а потом редактор начал рассказывать Агафону про какого-то уполномоченного Заготскота, который не реагирует на критику в районной газете.

— А ведь мы его крепко стеганули! — сказал редактор и, наверное, для наглядности угостил меня кнутом так, что я закрутила хвостом и перешла на старательную рысь.

Но на редактора моя реакция и моя старательность не произвели никакого впечатления. Продолжая жаловаться Агафону на учреждения, не отзывающиеся на критику в районной печати, он при этом непрерывно стегал меня по крупу кнутом и ещё приговаривал:

— Только крутят хвостом, как наша Мортира,— и ни тпру, ни ну!..

Сказал «тпрру» — я послушно остановилась. За это он мне ещё прибавил. Нет, нет, нехороший человек!..

. . . .

В таком же духе выдержаны и другие записи в «Дневнике серой кобылы». В них она касается разных сторон жизни районной газеты: состояния полиграфического хозяйства, бумажного снабжения и т. д. Я не публикую эти записи потому, что считаю бестактным вмешательство лошади в вопросы, стоящие вне её компетенции. По транспортной проблеме пусть высказывается, пожалуйста! Тут ей, как говорится, и карты в копыта! А насчёт остального пусть люди подумают.

И. РЯБОВ

СОЛНЦЕ БЕЗ ПЯТЕН

Зрители жалуются, что в современной драматургии мало положительных героев. Эта жалоба дошла в Астрахань к драматургу Е. Степанову. Он написал пьесу «Каспийцы».

В былое время поэт Бальмонт потребовал от своих современников: «Будем как солнце!».

До чуткого слуха астраханского драматурга дошёл и этот призывный клич издалека. Главный герой пьесы сверкает и блестит, как солнце.

Говорят, что на солнце есть пятна. Если это так, то герой астраханской пьесы превзошёл солнце. У него пятен нет.

Правда, есть одно пятнышко в личности героя. Он курит папиросы.

Но и это пятнышко стирается с светлого и ясного чела сверхидеального героя. И в конце пьесы он предстаёт перед нами как безупречное светило над Волго-Ахтубинской поймой.

Таким светилом является в пьесе первый секретарь райкома партии Андрей Бологов. Поток приветствий летит к нему с суши и моря. Все хвалят и славят секретаря. Им не нахвалится его супруга: «Опять во власти всесильной идеи?», «Неугомонный ты мой!». Жена второго секретаря говорит: «Андрей Константинович – работник хороший и человек приятный». Рыбак Попов отзывается о секретаре так: «Один дело делает...» Дед Никанор восклицает: «Вот это секретарь у нас!» И, наконец, сам герой, вернувшись домой, указывает жене на свою органическую связь с землёй и водой: «Где я только сегодня не был!..»

Тот же дед Никанор, славя первого секретаря, перечисляет его достоинства: «И поругает, когда надо, и поможет, и посмеётся с людьми, и потанцует. Настоящий человек, и люди его за то любят».

Словом, перед нами Антей второй половины двадцатого века. Впрочем, в древнегреческих мифах нет данных о том, что Антей плясал и танцевал на балах и пирах. Герой астраханской пьесы овладел искусством танца. Он вальсирует в колхозном клубе.

Казалось бы, что в районе, в котором руководит идеальный секретарь, царят мир и благоденствие, всё растёт и благоухает, в кисельных берегах текут молочные реки, люди счастливы, чрезвычайных происшествий и драматических коллизий нет.

Но драматург знает, что зритель против бесконфликтных пьес. Драматург идёт навстречу зрителю. В пьесе «Каспийцы» конфликт на конфликт набегает, как волна на волну. И даже девятый вал грозно встаёт на дыбы из морских глубин.

В пьесе четыре действия, восемь картин. Только в последней, восьмой, картине нет конфликта.

В первой картине в квартиру первого секретаря ночной порой приходит взволнованный и гневный директор моторно-рыболовной станции Михаил Ковалёв. Он жалуется на травлю. Его затравили анонимщики-клеветники.

Во второй картине тот же директор нагрянул в секретарский дом за неотложной помощью: «Радиограмма с моря... Из строя вышел сейнер... Авария...».

В третьей картине на сцене появляется рыбак Козлов. У него конфликт с дедом Никанором. Конфликт со своей подругой рыбачкой Марией Куликовой – Козлов грозит ей убийством. В этой же картине главный инженер моторно-рыболовной станции Николаев вступает в противоречия с передовым рыбацким коллективом.

В четвёртой картине происходит авария в рыбхозе. Размыта плотина. Вот-вот в прорыв уйдёт вода, в которой проводятся опыты по созданию новой гибридной породы рыбы. Жена второго секретаря райкома по блату получает от инженера Николаева лучшего осетра. Приехавшие из Румынии экскурсанты с места в карьер бросаются на ликвидацию прорыва.

Пятая картина развёртывается в приёмной райкома партии. Дед Никанор пришёл с тревожным сигналом. У него «в костях ломота». Судя по этой примете, «вроде как штормяга идёт»... Вместе с доморощенным метеорологом ждёт приёма московский учёный-ихтиолог профессор Мордовцев. Ждёт приёма председатель колхоза инженер Новиков. В райкоме заседание. Конфликт первого секретаря Бологова со вторым секретарём Коровиным. Конфликт первого секретаря с главным инженером Николаевым. Резкий телефонный звонок. Шторм!

Шестая картина изображает тёмную ночь на колхозной тоне. «Бушует ветер, шумят волны. В темноте крики людей: «Сюда!», «Быстрее!», «Держи!», «Крепи!». Первый секретарь отдаёт указания. Они относятся к рыбакам, к начальнику районной милиции Карпову и милиционерам, к студентке Тамаре. Найдена тяжело раненная Куликова, на жизнь которой покушался Козлов. Милиция устремляется в погоню за злодеем. Милиция не оказывается на высоте положения. Картина заканчивается так:

«КАРПОВ. В чём дело?

МИЛИЦИОНЕР. Товарищ капитан, преследуемый Козлов отстреливался... Бросился с кручи... Очевидно, погиб».

Казалось бы, что на этом можно было кончить с драматическими и трагическими обстоятельствами. Но драматургу кажется, что он ещё не дошёл до кульминационного пункта пьесы. Мы узнаём, что шторм принёс миллионные убытки, вода вышла из берегов, размыла валы и железную дорогу, приостановила движение поездов. Мы узнаём, что в море унесены рыбаки поповской бригады, что в области создана правительственная комиссия, что «такого шторма не помнят даже древние старики».

В седьмой картине драматург изображает поздний вечер в кабинете секретаря райкома партии: «Бологов нервно шагает по кабинету. Зажигает папиросу, держит горящую спичку, пока она не обжигает ему пальцы». Чем не Муций Сцевола?

По секретарскому зову появляются в кабинете действующие лица – положительные во всех отношениях, просто положительные и почти отрицательные. Безо всякого зова появляется в кабинете ещё одно действующее лицо.

«Входит Борис Козлов. Он пьян, сапоги в грязи, брезентовый плащ. Остановился у входа, блуждающим взглядом осмотрел комнату. Наконец взгляд его остановился на Бологове.

БОЛОГОВ (узнал его, строго). Козлов! Что вам нужно?

КОЗЛОВ (глухо). Тебя... (Быстро входит Ковалёв.) И вот его...

Козлов делает шаг к Бологову. Замахивается. Стремительно между ними появляется Ковалёв. Бологов инстинктивно делает шаг в сторону, Ковалёв хватает Козлова за руку. Козлов вырывается и бьёт его чем-то тяжёлым. Ковалёв падает. Надя бросилась из комнаты. Бологов настигает Козлова и скручивает ему руки. Коровин испуганно отскочил в сторону, потом, увидев, что Бологов крепко держит Козлова, подходит и помогает Болсгову связать его.

БОЛОГОВ. Не уйдёшь, гадина! Не вырвешься!..

Вбегает Надя.

БОЛОГОВ (Наде). Позвоните Карпову...

НАДЯ. Звонила.

БОЛОГОВ. Срочно врача!

НАДЯ. Сейчас. (Убегает.)

БОЛОГОВ (Коровину в сердцах). Вот вам и «хороший парень», Аркадий Васильевич... Хороший парень... Эх, вы!..

Появляются Карпов и милиционеры.

БОЛОГОВ (указывая на Козлова). Взять!»

Вот какие страсти-мордасти растут, вскипают, бушуют в пьесе «Каспийцы», рисующей район, которым руководит идеальный герой драматургического произведения. Зачем этот герой возведён драматургом на пьедестал, человеческому уму непостижимо.

Последняя, восьмая картина является триумфом первого секретаря. На этом балу сходятся положительные персонажи пьесы, недобитые легендарным злодеем Козловым и пережившие штормовую ночь на Каспии. Дед Никанор оправился от ломоты в костях и ведёт с профессором Мордовцевым (успевшим в рекордно короткий срок создать гибрид белорыбицы) разговоры на различные темы. Между прочим, дед Никанор повествует о том, как в былые годы он бросился в Каспий ловить... кита: «Только он подошёл ближе, я сиганул в море да на него, схватил за жабры. Он туды, он сюды... «Врёшь, – говорю, – не уйдёшь...» Мотал я его, мотал... Товарищи подсобили... Вытащили мы того зверя... Чуть было бударку не потопили... Потянула та белуга без малого пудов сорок...».

Если прототипом первого секретаря является мифический Антей, то прообразом деда Никанора стал шолоховский дед Щукарь.

Когда собирается весь кворум положительных лиц, появляется на балу Андрей Константинович Бологов с супругой Натальей Николаевной. К ясному солнцу района льнут все присутствующие. Музыка. Песня:

Вальс шелками яркими пылает,
Всё в сплошную радугу слилось...

Антей, то бишь Андрей, уже не курит.

...Пьеса Е. Степанова «Каспийцы» вышла отдельной книжкой в издательстве астраханской областной газеты «Волга». Редактор этой газеты и автор пьесы – одно лицо.

Своя рука – владыка.

РОДНЯ в гостях

В Алма-Ате начал выходить сатирический журнал «Ара» («Шмель»).

Прими, сатирик Казахстана,
Мой самый искренний привет.
Бери в работу неустанно
Всех тех, кто нам приносит вред.
Направь отточенное жало
На бюрократа и рвача,
На многожёнца-феодала,
На карьериста-ловкача,
На тунеядца, бракодела,
На хулигана во хмелю...

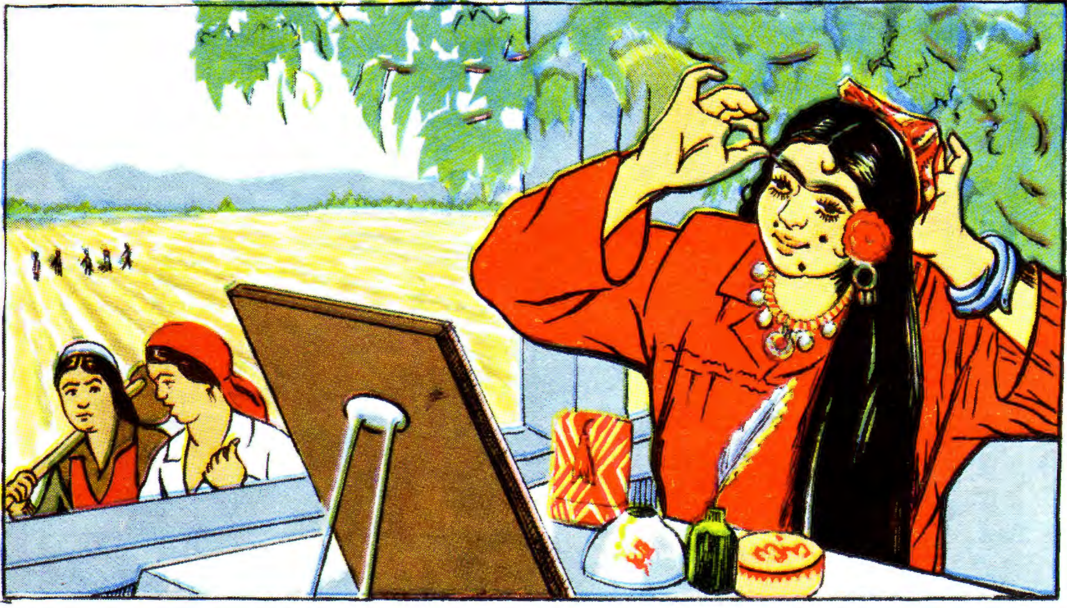
Желаю точного прицела
И смелых вылетов «Шмелю»!

КРОКОДИЛ

Рисунок И. ИЛЯБАЕВА (журнал «Хорпуштак», Сталинабад).

Жёны руководителей некоторых колхозов не участвуют в полевых работах.

— Чем занимается Кандалатхан!
— Междурядной обработкой ресниц и прополкой бровей.

ОПЕРАТИВНЫЙ ВЕТЕРИНАР

Рисунок В. ЖДАНА (журнал «Вожык», Минск).

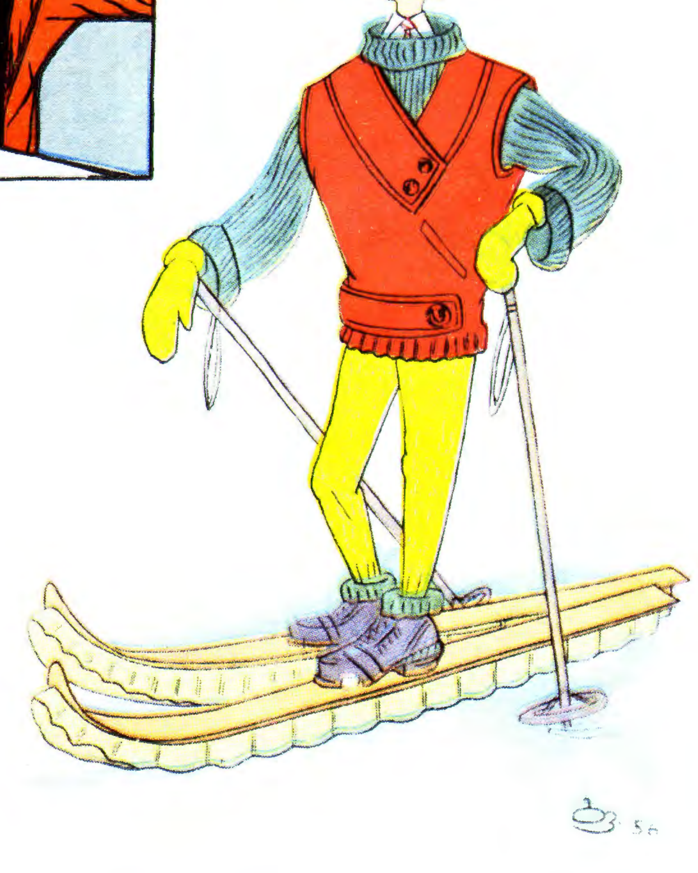

— Что! Поросята болеют! Я занят!..

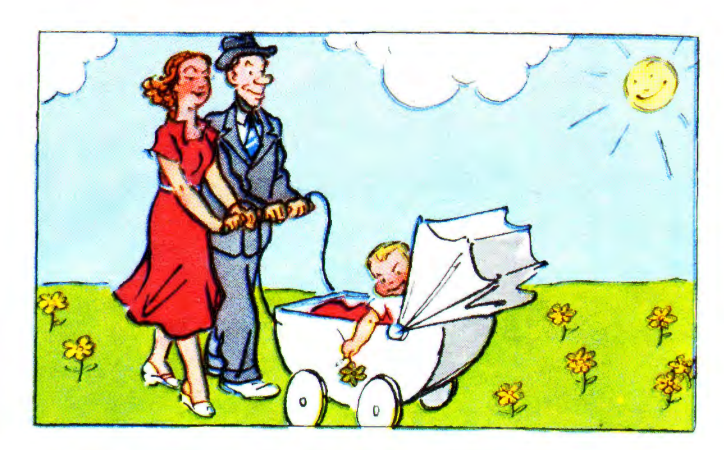
— Что! Поросёнка зарезал! Еду.

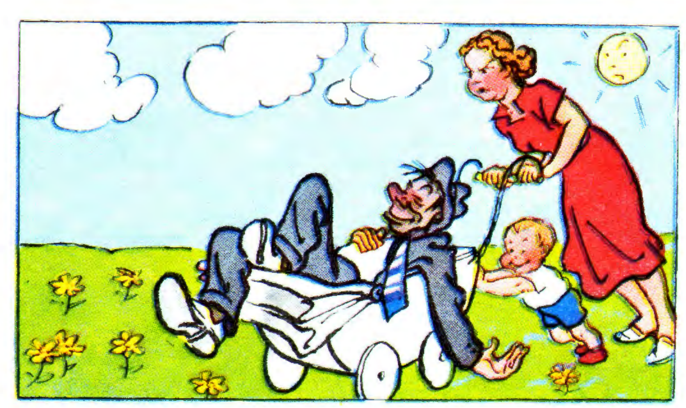
Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА (журнал «Нианги», Тбилиси).

Стильный парень на горнолыжной прогулке.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

ПАПА, МАМА, ПОЛ-ЛИТРА и Я...

Николай ЭНТЕЛИС

Прослушав указания...

Подъехал к птицеферме
В июньский день «Москвич».
Идёт смотреть хозяйство
Пантелеймон Лукич.

— Здоровы ли наседки!
Как качество яиц!
А чем, скажите, кормят
Таких чудесных птиц!..

— Отходами! Несушек!
Какой печальный факт!
Я вынужден составить
Об этом факте акт!

Январь. Другого гостя
Машина привезла.
Спешит Захар Петрович
Проверить, как дела.

— Да, вижу... Куры ваши
Ну прямо хоть куда!
А как у них, скажите,
Налажена еда!

— Еда! Ну что ж, скажу вам:
Сошлись мы на одном —
Кормить решили птицу
Отборнейшим зерном.

— Зерном! Да вы в уме ли!
Какой ужасный факт!
Я вынужден составить
Об этом факте акт.

Прослушав указанья
Вышестоящих лиц,
Завфермой растерялся:
— Как быть с кормёжкой птиц!

...Весной у птицефермы
«Москвич» затормозил.
— Чем кормите вы птицу! —
Иван Ильич спросил.

— Положено на пищу
Ей в месяц по рублю,
Так я хохлатке деньги
Наличными даю!

— Наличными даёте!
Невероятный факт!
Я вынужден составить
Об этом факте акт.

Ведь вы должны заполнить
Особой формы бланк
И перечислить деньги
Ей через Сельхозбанк!

г. Черновцы.

Николай ДОРИЗО

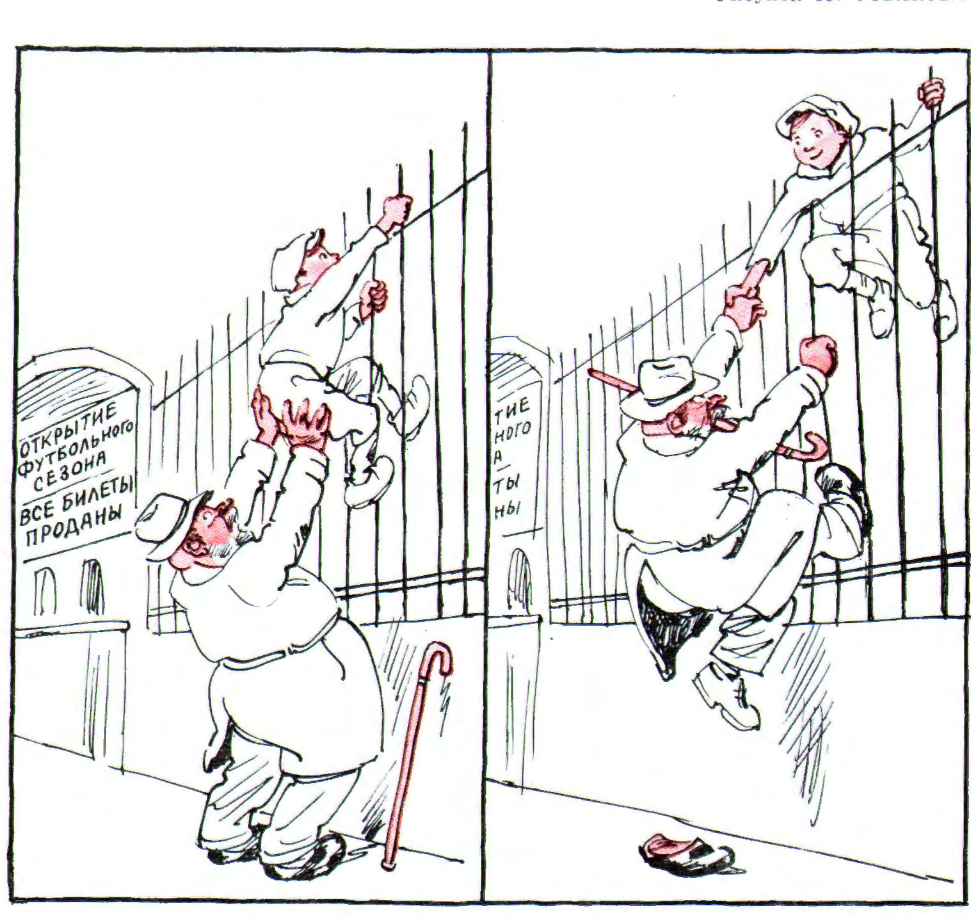
БАЛЛАДА
о «так не бывает»

Он в трудном деле, так сказать, мастак,
Немало написал статей в газеты,
В которых учит: это, мол, не так,
Для нас сегодня нетипично это...

Случилось так, что в доме денег нет.
— Как денег нет! — он вопрошает зычно.—
Вздор!
Деньги есть!
Давай, жена, обед!
В семье советской это нетипично.
И вот однажды грянула беда.
Вошёл он в дом,
застыл от удивленья.
Записка: «Ухожу я навсегда.
С меня довольно!.. Лопнуло терпенье!»

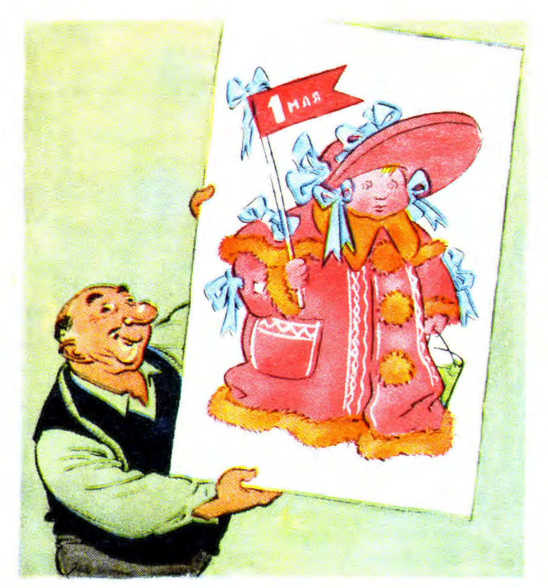
Была тоска смертельно тяжела.
Но он записку прочитал вторично:
— Ушла от мужа!!
Вздор!
Ты не ушла!
Так не бывает. Это нетипично.
А как бывает, знает он один
Наперекор всему, что есть на свете.
Любовь... Печаль...
Но этих дисциплин
Не проходил он в университете...
Боюсь, что и теперь, меня кляня,
Не будет критик тот самокритичен:
— Поклёп!
Я утверждаю:
нет меня,
Поскольку я сегодня нетипичен!..

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Взаимовыручка.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Пай-девочка, которая помогает дядям из Рослегпромсбыта выполнять план.

Бяка-девочка, которая мешает дядям из Рослегпромсбыта выполнять план.

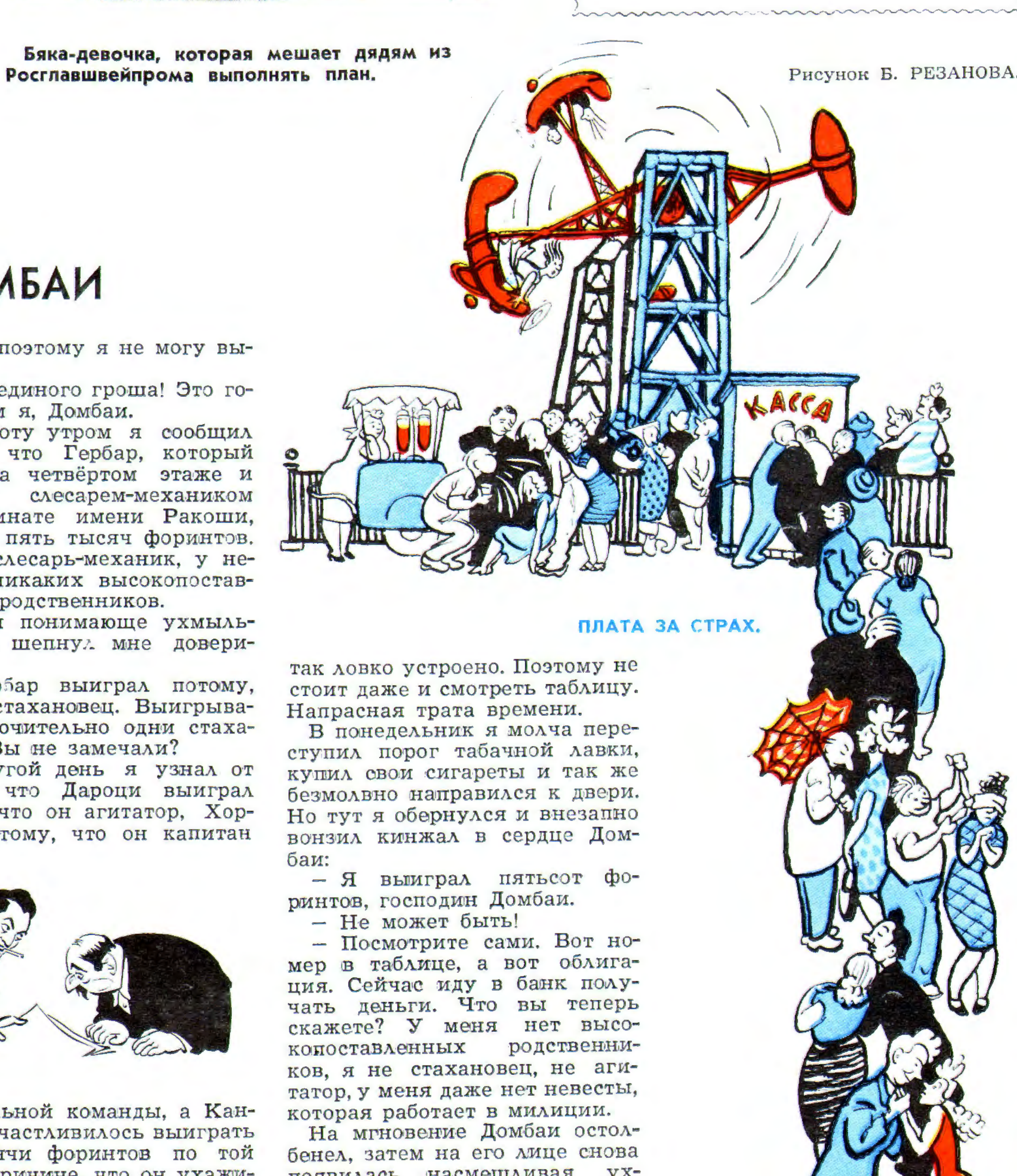
Весенние моды

В витринах магазинов одежды часто показывают красивые модели, а одежда по ним не изготовляется.

Есть всего одна модель
на деле,
А в быту пальто
такого ждут,
Но его пока мы
не надели,
Потому что
мы столкнулись тут
С оборотной стороной
модели.

В. ГРАНОВ,
Мих. ПУСТЫНИН

Рисунок Б. РЕЗАНОВА.

ПЛАТА ЗА СТРАХ.

Бела ГАДОР

УПРЯМЫЙ ДОМБАИ

В доме, где я живу, есть табачная лавочка, а в ней — продавец по фамилии Домбаи. Ежедневно я захожу туда, чтобы купить себе дневную порцию сигарет, а также получить порцию злости, которую мне бесплатно выдаёт господин Домбаи.

В пятницу утром я вошёл в лавочку, держа в руках «Сабад неп», где была помещена таблица выигрышей. Я попросил пачку сухих сигарет «Гармония». Господин Домбаи дал мне пачку сырых «Баштя». И при этом презрительно махнул своей мясистой рукой.

— И к чему вам эта таблица? Игра не стоит свеч! Всё равно вы никогда не выиграете!

— А почему бы мне и не выиграть, позвольте спросить?

— Почему? — Господин Домбаи усмехнулся, сверкнув рядом снежно-белых искусственных зубов. — Потому, что выигрывают только привилегированные, те, у кого родственники какие-нибудь «главы». Есть среди ваших родственников «главы»?

— Нет, мои родственники все, так сказать, «безглавые». Что же, поэтому я не могу выиграть?

— Ни единого гроша! Это говорю вам я, Домбаи.

В субботу утром я сообщил Домбаи, что Гербар, который живёт на четвёртом этаже и работает слесарем-механиком на комбинате имени Ракоши, выиграл пять тысяч форинтов. Просто слесарь-механик, у него нет никаких высокопоставленных родственников.

Домбаи понимающе ухмыльнулся и шепнул мне доверительно:

— Гербар выиграл потому, что он стахановец. Выигрывают исключительно одни стахановцы. Вы не замечали?

На другой день я узнал от Домбаи, что Дароци выиграл потому, что он агитатор, Хорняк — потому, что он капитан волейбольной команды, а Кантору посчастливилось выиграть две тысячи форинтов по той веской причине, что он ухаживает за девушкой, которая работает в милиции. В общем, у него всегда находилось объяснение.

— Простые люди никогда не смогут выиграть ни гроша,— говорил он упрямо.— Это уж так ловко устроено. Поэтому не стоит даже и смотреть таблицу. Напрасная трата времени.

В понедельник я молча переступил порог табачной лавки, купил свои сигареты и так же безмолвно направился к двери. Но тут я обернулся и внезапно вонзил кинжал в сердце Домбаи:

— Я выиграл пятьсот форинтов, господин Домбаи.

— Не может быть!

— Посмотрите сами. Вот номер в таблице, а вот облигация. Сейчас иду в банк получать деньги. Что вы теперь скажете? У меня нет высокопоставленных родственников, я не стахановец, не агитатор, у меня даже нет невесты, которая работает в милиции.

На мгновение Домбаи остолбенел, затем на его лице снова появилась насмешливая ухмылка.

— Ну да,— сказал он понимающе,— вам этого и не нужно. Вам ведь и так всегда везёт!

Перевела с венгерского
Е. ТУМАРКИНА.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05803. Изд. № 364. Подписано к печати 19/IV 1956 г. Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Заказ № 1106. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

Рисунки К. РОТОВА.

